

Александр Наумов
Спецзона для бывших
Серия «Диалог»

Дело казанских полицейских-садистов, от рук которых погиб задержанный, всколыхнуло российское общество. После него всего лишь за месяц в стране было возбуждено еще минимум двадцать пять уголовных «пыточных» дел. Такими темпами иркутская «тройка» — до недавнего времени единственное заведение строгого режима среди шести российских колоний для бывших сотрудников силовых структур — еще не пополнялась. Сюда, подальше от Москвы, привозят отбывать наказание осужденных по самым громким делам: убийц, спятивших службистов, открывших огонь по случайным прохожим, налетчиков, крупных взяточников. Бывший начальник пресс-службы Главного управления федеральной службы исполнения наказаний по Иркутской области Александр Наумов получил возможность поговорить с этими людьми «из-под погон», как они сами себя называют. Их имена и фамилии изменены. Остальное — как в жизни.

От автора

Герои этой книги на самом деле антигерои. Они отбывают наказание за особо тяжкие преступления в колонии строгого режима для бывших сотрудников силовых структур.

...Старшина патрульно-постовой службы расстрелял из табельного пистолета четверых прохожих. Убийцу приговорили к 25 годам заключения.

— Вы журналист? — спросил он меня. — Записывайте: человека очень легко убить. Достал пистолет, и — бах-бах! — убил. Совсем просто.

А затем выдал шокирующую подробность:

— Я только свои ботинки потом вытер: мозги убитых разлетелись в стороны.

Другой осужденный, бывший майор, издевался над женой. Сначала душил ее голыми руками, потом стукнул по голове гантелью, затем еще диском от штанги, а напоследок затянул на ее шее веревку. Потом затолкнул тело в спальный мешок, отнес в машину и увез в лес, где и закопал труп. Суд приговорил его к 12 годам лишения свободы.

— Почему так много дали? — почти искренне возмущается он. — Я никакой не монстр, я совершенно нормальный человек. — И потом добавляет: — Я ведь... любил жену!

Есть такое выражение: «Тюрьма тоже чему-то учит». А учит ли? Уйдя в самоволку, солдат-срочник прихватил автомат, совершил разбойное нападение, взял заложников. Сразу три группы захвата окружили его. Он стал по ним стрелять, ранил двоих. В воздух поднялся вертолет с группой собровцев, но солдат-беглец — невероятно! — подбил вертолет. А потом, как в кино, последний выстрел в себя. Аккурат в голову. Однако выжил, долго лечился и в колонию попал со второй группой инвалидности.

Сегодня его левое полушарие защищает не костная ткань, а пластмассовая полусфера, прикрытая кожей. Один глаз не видит. Половина лица парализована. Речь прерывистая.

Спрашиваю его, зачем же он пошел в злополучную самоволку. Отвечает:

— Да нужно было решить свои вопросы.

А потом, немного подумав, сообщает:

— До конца всего не решил. Как выйду из колонии, надо будет снова идти. Доделывать.

А ведь в таком самоубийственном упрямстве испокон веку и заключалась вся житейская философия русского мужика,

которому если «втемяшится в башку какая блажь, колом ее оттудова не выбьешь».

Сотрудник ППС задумал угнать машину, загруженную водкой. Вышел на обочину, взмахнул жезлом. Грузовик остановился. Ничего не подозревавшему водителю было приказано пересест в служебный уазик, где находились еще трое участников преступной группы.

На свое счастье, водитель сумел вырваться, добежал до ближайшего поста ГИБДД, и была поднята тревога. «Оборотней в погонах» вскоре поймали. В свое оправдание они говорили:

— Ну а как еще жить? В наше-то время. Цены на все растут. А нам семьи кормить надо.

Как говорится, вот еще два русских вопроса: кто виноват и что делать?

Капитан Вооруженных сил, приняв в гостях «сто грамм», избил хозяина квартиры, а потом сбросил обмякшее тело с балкона четвертого этажа.

— Только не подумайте, что я какой-то отморозок, — поясняет бывший капитан. — Я в жизни не ударил ни кошку, ни собаку.

Каждый получивший срок пытается оправдаться: то ли бес попутал, то ли... начальник.

Находившийся при исполнении сотрудник отдела вневедомственной охраны совершил грабеж века, обчистив хранилище в коммерческом банке. Через три дня его поймали. Деньги вернули пострадавшим, а грабителя отправили в спецколонию. Отбывая срок, осужденный катит бочку на бывшего начальника:

— Он все время ко мне придирался по пустякам, но я отомстил: его сняли с должности после ограбления банка.

С конца девяностых тема «оборотней в погонах» будоражит российское общество.

Вопрос исследуют аналитики. Появляются статьи в газетах, сюжеты на телевидении.

Но сами преступники остаются за кадром, проблема — в повестке дня, а тема — по-прежнему не раскрыта. О преступниках в погонах пишут либо по материалам уголовных дел, либо со слов тех, кого привлекают к раскрытию подобных преступлений.

В этой книге приводится взгляд на проблему с «другой колокольни» — точка зрения самих осужденных. Бывший сотрудник спецслужбы на вопрос о том, что же толкнуло его нарушить закон, восклицает:

— А вы знаете, если один раз переступишь черту, то потом тебя уже ничего не удержит! — И добавляет: — Криминальный мир тоже пытается повышать квалификацию. Взять нож или пистолет и помахать ими в воздухе — это уже примитивно. Сейчас все больше ценится техника совершения преступлений. И бандиты специально ищут знакомства с сотрудниками правоохранительных органов.

Имена и фамилии в книге изменены.

Все высказывания обитателей спецзоны приводятся без адаптации под каноны литературного текста.

Осужденным я задавал одинаковые вопросы: о жизни до приговора, первом дне заключения, специфике отбывания наказания в колонии для б/с — бывших сотрудников.

— У нас в зоне отмечаются все военные праздники: День ВДВ, День пограничника, День Морфлота, — говорит один осужденный. — Потому что здесь сидят бывшие военные.

Другой осужденный, разжалованный опер, утверждает, что в колонии много порядочных людей:

— Вы можете не поверить мне. Я тоже не верил, когда раньше, по работе, сталкивался с такими случаями, если один за другого говорил: «Он там отсидел семь лет, он человек порядочный». А у меня не укладывалось в голове: как порядочный человек мог отсидеть в тюрьме? — И сам же объясняет этот парадокс: — Наверное, мы можем быть нормальными только тогда, когда у нас все плохо. — После чего выдает сентенцию: — Я даже скажу так: у меня круг общения с нормальными людьми в колонии шире, чем был на воле.

Ему вторит другой осужденный:

— Если человек попал в тюрьму, это еще не значит, что он какой-то моральный урод, что нет у него ни чести, ни совести, ни родины. — И совсем неожиданно: — Ведь чтобы совершить преступление — надо иметь определенный характер. Преступление — это поступок, из-за которого будешь страдать.

Герои книги — люди из прошлого, многие за решеткой с девяностых. По этому поводу один из обитателей спецзоны говорит:

— В отряде мы газеты читаем, телевизор смотрим, следим за новостями. Стараемся быть в курсе всех событий. Но все равно отстаем от жизни, помаленьку деградируем. — И далее: — Кого недавно посадили, их привозят в зону, начинаем с ними общаться, они спрашивают: «Ты откуда, parenь, вообще

свалился?» Начинаю объяснять ему, что я сижу с прошлого века. Что я уже — мамонт!

История знает, что случилось с мамонтами. Пока эта рукопись готовилась к печати, одного из героев книги не стало. Но это уже совсем другая история.

Глава первая

**«ПОГОНЫ К ПЛЕЧАМ НЕ ГВОЗДЯМИ
ПРИБИТЫ»**

Сокамерники и сослуживцы

На рабочем столе Ефрема Мурашова необычное издание — словарь уголовной лексики. На внутренней стороне обложки — надпись: «Ефрему Леонидовичу для расширения и без того широкого кругозора в этой области». Ниже чья-то размашистая подпись и дата: 09.03.93.

— В свое время эту книжку мне подарил прокурор области, — говорит Ефрем, долго смотрит в окно и тяжело вздыхает. — Разве мог я тогда предположить, что уголовный жаргон придется изучать не по книге. А на строгом режиме. Сменив костюм на робу с биркой.

Мурашов занимал должность помощника прокурора в одной из районных прокуратур в Забайкалье. Однажды к нему пришли «лица в штатском» и предложили поехать вместе с ними.

— Они показали мне свои красные корочки, проводили в машину и отвезли в следственный изолятор.

Неделю его держали в одиночке, а когда решили перевести в общую камеру, приготовили «сюрприз».

— В камере находилось двадцать два человека. Среди них замечаю несколько знакомых лиц, начинаю перебирать в памяти, где же раньше встречал их... Как вдруг — гром среди ясного неба! — отчетливо сознаю, что троих заключенных в свое время я сам отправил в тюрьму, — сказав это, Ефрем морщится, словно от зубной боли. — Все трое — бывшие милиционеры, которых я самолично арестовывал. Ситуация?! Ну, думаю, двум смертям не бывать.

Первое, что он услышал, было: «Раздевайся!»

Замешкавшись, он стал блуждать взглядом по сокамерникам. Пытаясь разглядеть в их лицах серьезность намерений. Как вдруг услышал новый приказ: «Труссы тоже не забудь снять!»

Потом один из заключенных подбежал к нему и стал внимательно оглядывать с головы до ног. «Все чисто, вшей нет», — подытожил осматривавший.

Новичку разрешили одеться.

...Скомкав мысли, Ефрем смотрит в окно, за которым — гнетущий пейзаж колонии. Серые стены, подпирающие такие же серые крыши. Полоска асфальта вдоль выбеленного забора.

— Кто знает, как человек поступит в той или иной ситуации, — медленно произносит он, отворачиваясь от окна.

— Вон Леха в первый день чуть драться не полез. Алексей! Расскажи журналисту про свой первый тюремный день.

Высокий скуластый парень нехотя откликается:

— Чего рассказать-то?

У бывшего спецназовца Алексея есть орден Мужества, привезенный с чеченской войны. Сообщив об этом факте, Мурашов счел нужным пояснить:

— Судья сказала ему на суде: «Ты привык убивать на войне! Ты стал убивать и потом, вернувшись домой!» Верно, Алексей, привык ты убивать-то? — последние слова Мурашов произнес с особенной интонацией, очевидно, намекавшей на какой-то прежний разговор.

— Но это же не так, — скрипя зубами, выговаривает Алексей и в подтверждение слов припечатывает тяжелый кулак к столу. — Не так все было...

— У всех не так, — миролюбиво поддакивает Ефрем.

Его напарнику сидеть в зоне двадцать лет. Отвлекая от мыслей, клином застрявших в мозгах, Ефрем переводит разговор на другую тему.

— Ты лучше вспомни, как тебя встретили в СИЗО. Вшей искали?

— Искали.

— Ну?

— Чего «ну»?

— Как искали?

— Да никак.

Мурашов уже начал выходить из терпения.

— Ты не темни, Алексей, ты же мне рассказывал. Значит, когда тебя втолкнули в камеру и закрыли за тобой дверь, ты услышал разговор двух эзков. Верно? О чем они говорили?

— Один сказал другому: «Пробей новичка!»

— Камера была большая?

— Нары в три ряда.

— Что было дальше? — не унимается Мурашов.

— От стены отошел какой-то человек. И пошел на меня.

— Ну а ты что?

— Я подумал, что сейчас будут насиловать. И принял боксерскую стойку.

— Во как! — Ефрем с неподдельным восхищением посмотрел на бывшего спецназовца, потом повернулся в мою сторону. — Ну откуда же ему было знать, что на блатном жаргоне слово «пробить» означает «проверить»?

— На меня тут же закричали: «Ты чего, мужик?» — пояснил Алексей. — Понятное дело, что драться со мной

никто не собирался.

— Так это ты только сейчас понял? — с иронией переспросил Мурашов и даже присвистнул. — Плохи твои дела, Леха, плохи. Для такого тормоза, как ты, время в колонии покажется вечностью.

— Угомонись, Леонидыч.

— Я-то угомонился, а вот ты. — и Мурашов на мгновение задумался. — Сходи-ка, Леша, на свежий воздух, мне с человеком поговорить надо.

Перед тем как пойти во двор колонии, Алексей счел нужным завершить свой немногословный рассказ:

— Тот человек, что приказал проверить меня, потом сказал: «Оставь его», то есть меня в покое приказал оставить. Вот и вся проверка.

— Но учтите, — повернувшись ко мне, пояснил Мурашов, — если в камере сомневаются, что новичок без вшей, его тут же стригут, кхе-кхе... с головы до пят.

Алексей вышел из помещения. В тот же момент на рабочем столе Ефрема зазвонил телефон.

— Нарядная. Нарядчик Мурашов.

Ефрем недолго слушает абонента, произносит «Сейчас, узнаю», перебирает бумаги на столе, опять откликается в телефонную трубку.

Закончив разговор, он поднимает голову и неожиданно спрашивает:

— Хотите, расскажу, за что меня посадили? у меня трое детей от первого брака, на них идут алименты. И я задумался: как жить? где брать средства? Как прокурорскому работнику мне запрещена подработка. И тогда я решил продавать свои мозги. Я стал обеспечивать правовую основу коммерческих фирм — составлять для них документы, имеющие юридическую силу. Этим самым я, возможно, нарушил служебную дисциплину, поскольку таким образом подрабатывал, но я не нарушал своими действиями Уголовный кодекс. В суде мне говорили: «Ваши расходы превышают доходы». Я соглашался и отвечал, что готов объяснить, почему так происходит. И объяснял, но. Суды наши работают по принципу: «Покажи человека, и я подберу ему статью».

В очередной раз глянув в окно, мой собеседник сам себя прерывает:

— На обед пошли.

За окном тянется процессия осужденных. В общей колонне их роботы сливаются в одну черную массу,двигающуюся

живой рекой.

Я смотрю на часы.

— Не волнуйтесь, мне торопиться некуда. Я никуда не пойду, — говорит Мурашов. — Я обедаю здесь, в нарядной, мне разрешают. Сам готовлю, вот плитка. У меня, знаете ли, желудок. И что они там, в столовой, приготовят — это еще вопрос, гм... вопрос жизни и смерти, кхе-кхе... подсыплют чего-нибудь.

— Подсыплют? В самом деле?

— Да нет, это я так сказал.

— Слово не воробей.

— Согласен.

— Вас пытались отравить?

— Меня пытались убить. Здесь, в зоне. Специально этапом заслали сюда человека.

Сделав паузу, он продолжил:

— Вы знаете, на второй день, когда я попал в следственный изолятор, мне сообщили, кто из криминальных авторитетов контролирует СИЗО. И мне сказали: «Смотрящий за централом в курсе твоего дела». В том смысле, что криминальная среда не будет мне мстить как бывшему сотруднику правоохранительной системы. А мстить стали совсем другие структуры.

В отряде убийц

Живая река за окном потекла в обратном направлении — первые отобедавшие осужденные возвращались в свои отряды.

Глянув в окно, нарядчик воскликнул:

— Ну что, пойдём. В десятый отряд. Если хотите.

Нарядчик Мурашов выполняет распоряжение «гражданина начальника», который поручил ему показать зону.

Десятый отряд — простойный, или невыводной: обитателям десятого отряда не разрешают работать. Здесь сидят за особо тяжкие преступления, осужденные на большие сроки.

— Слушай, — обращается Мурашов к дневальному, — нужно кого-нибудь поразговорчивее... вот, журналисту показать — пусть побеседует, расскажет о своем деле...

Нарядчику можно ходить по территории всей зоны. Среди других осужденных, лишенных такой привилегии, он чувствует себя хозяином положения.

— Поразговорчивее? Сейчас найдем... кого-нибудь... найду, конечно, найду, — торопливо повторяет дневальный. — А вы пока проходите сюда, в помещение, проходите...

Мы заходим в тесный квадрат помещения для служебного пользования. Стол, табурет, лавка. На стенах — картинки с полуобнаженными красотками.

— Чай будете пить? — суетится дневальный.

Я отказываюсь, Мурашов неопределенно хмыкает.

— А? Нет? — продолжает дневальный. — Ну, тогда я вам другое предложу, погодите немножко.

Он скрывается в дверях, но уже через минуту опять появляется на пороге, в руках — две кружки.

— Угощайтесь, пожалуйста.

Мурашов молча берет кружку, я снова отказываюсь.

— Да это же сок! — восклицает дневальный.

Стакан сока в зоне — роскошь большая, тем более в невыводном отряде. Брикет сока — это покупка в ларьке. На деньги, которые можно снимать с личного счета. Простойная бригада не работает, деньги на личный счет не идут... Брикетик сока могли прислать только в посылке из дома.

Я смотрю на Мурашова. Он пьет сок с таким невозмутимым видом, словно этот стакан — своеобразная дань нарядчику.

— А знаете, за что я на самом деле попал в колонию? — вдруг спрашивает меня Мурашов. — Обвинили меня в

получении взятки! Которой я не получал...

Но договорить Мурашов не успевает.

— Вызывали? — в помещение заходит мужчина лет тридцати.

Руки вытянуты по швам. На голове «американское» кепи с большим козырьком.

Предлагаю ему присесть и рассказать историю своего преступления.

— А что тут рассказывать, до судимости я жил в Красноярском крае...

— Ты погоди, Паша, — вмешивается Мурашов. — Лучше сразу поясни человеку: раскаиваешься?

— В чем?

— В своем преступлении.

Павел молча смотрит на Мурашова.

— Где вы работали? — спрашиваю я.

— В Управлении по борьбе с организованной преступностью.

...История Павла похожа на киношный детектив. Его арестовали вместе с членами банды, в которой он был «своим среди чужих» — внедренным агентом УБОПа.

— У меня было оружие, за которое мне впоследствии вменили статью — за незаконное хранение. Арестовали меня сотрудники УВД. Я говорил им: «Позвоните в УБОП, я сам сотрудник, работал по заданию». А мне в ответ: «Оружие было?» — «Было» — «Незарегистрированное?» — «Нет, конечно». — «Ну вот и сиди». Хотя абсурд... кто же в банде пойдет оружие регистрировать!

— И это все ваше преступление?

— Нет, это было только началом моих злоключений. Девять месяцев меня продержали в СИЗО. Экспертиза показала, что мое оружие в преступлениях, совершенных бандой, не участвовало. Я не стрелял из него. Меня выпускают на подписку о невыезде. И тут оказывается, что из УБОПа меня уже давно уволили...

Пополнив армию безработных, бывший оперативник стал искать способ быстро поправить свое материальное положение.

— На подписку меня отпустили в сентябре, а суд был назначен на ноябрь. Мне нужны были деньги, чтобы кормить жену и малолетнего ребенка. И я стал искать способ разбогатеть. В один прекрасный день я знакомлюсь с человеком, который кажется мне во всех отношениях достойным доверия. Вдвоем мы разрабатываем план наших

действий, который в скором времени претворяем в жизнь. Мы попадаем в квартиру одного коммерсанта, жену которого знал мой поделщик, берем их деньги и уходим.

— А хозяйка где были?

— Муж — в своей фирме, а жена — дома.

— И она спокойно отдала деньги?

— Да нет, конечно, она... сопротивлялась.

— Что было дальше?

— Я взял нож и зарезал ее.

— Вот так запросто убил человека?

— Да почему запросто? Она очень сильно кричала, и меня это просто раздражало. Поэтому я решил покончить с ней побыстрее.

— Ты погоди, Паша, не торопись, — вдруг вклинился в разговор Мурашов. — За «просто убил» двадцать лет не дают. Следовательно, ты убил с особой жестокостью.

— Ну да, сначала отрезал язык, чтобы не кричала, потом — уши...

Мурашов даже присвистнул:

— А уши-то зачем?

— Да шутка это. Просто убил. И точка на этом.

— Как же вас поймали? — спрашиваю я.

— Попались мы по глупости поделщика. Он должен был кому-то отдать большой долг. Тот человек работал в милиции, и когда поделщик пришел к нему, то вернул долг, дурак, крупными купюрами — теми самыми, что мы украли. А его приятель возьми да пошути, дескать, какие большие деньги, такие же купюры недавно исчезли из такой-то квартиры... Напарник тут же побелел, затрясся весь, словом, сам себя выдал. Его взяли на понт, а он клюнул. Ну в самом деле, откуда они могли бы знать, какие купюры исчезли. Мы вообще, кстати, имитировали в квартире убийство жены ее собственным мужем. Они часто ссорились, он нередко ей угрожал, мы все это знали... и я сказал поделщику: «Бери только деньги. Чтобы ни одна вещь из квартиры не исчезла!» Но он, идиот, стянул еще кольцо, снял с трупа. Потом кольцо нашли у него дома, и это стало уликой при обвинении... А тогда, сразу после кражи, оперативники первым делом задержали мужа, допросили как надо, и он тут же, в кабинете оперов, «чистосердечно» признался в убийстве собственной жены. Правда, он чего-то там пытался говорить о деньгах, что пропали, но о них вспомнили уже потом, позднее... когда через несколько дней появился мой напарник в кабинете у знакомого милиционера с деньгами. Мужа выпускают из

СИЗО как несостоявшегося убийцу, а нас — на его место, в камеру. Потом был суд, и мне по совокупности двух уголовных дел — ведь я совершил кражу и убийство, будучи на подписке, — так вот, дают по совокупности двадцать два года лишения свободы. Три года я уже отсидел. Если повезет, на волю выйду, когда мне будет почти пятьдесят лет.

Павел берет свою кепку, мнет ее, прижимает к груди и неожиданно говорит:

— А вообще-то я ни в чем не раскаиваюсь. Коснись сейчас, я бы, не задумываясь, все повторил. Знаете, сколько мы взяли денег? Там хватило бы на полмерседеса. И главное, что я все просчитал — мы не должны были попасться... поделльник, дурак, сдал.

Сделав паузу, Павел с шумом втянул в себя воздух, обвел помещение злым, помутневшим взглядом и вдруг выдал:

— А посадить в тюрьму можно любого человека. Даже вас! Вот вы сейчас сидите здесь, беседуете, а я потом пойду и скажу, что вы пронесли в зону наркотики. И вам «докажут», что это так.

Еще раз оглядев помещение, он продолжил тему:

— Это жизнь. Раньше в милиции как работали? Мозгами. А сейчас? Кулаками!

Сжав пальцы в кулаки, он посмотрел на эти аргументы доказательной базы.

Молчавший до сих пор Мурашов усмехнулся, провел ладонью по голове, приглаживая волосы, и проговорил, глядя на Павла:

— В 1991 году приняли закон, запрещающий получать пенсию работающим пенсионерам. Взамен в милицию пришел всякий сброд, которому доверили закон.

— Вот именно, — поддакнул бывший оперативник, — раньше ветераном считали того, кто прослужил десять лет, а сегодня уже через два года стажа сотрудника называют старослужащим.

— Не в этом дело, Паша, — решительно продолжил нарядчик. — Раньше человек шел на работу и думал, как ему принести пользу обществу, а сегодня подходит с иной меркой: какую выгоду он сможет иметь от своей должности. — И уже взглянув в мою сторону, Мурашов пояснил: — Вот у нас тут сидит один бывший следователь, он брал взятки «Крузерами», и еще поучает, чем нужно брать: не деньгами, а сразу машинами, словом, новый русский следователь... И таких много.

Разжав кулаки, Павел многозначительно произнес:

— Сотрудники правоохранительной системы — это тоже преступники. Которые еще не попались.

Мурашов неопределенно хмыкнул:

— Погоны к плечам не гвоздями прибиты... А? Как думаешь, Паша? Тяжело тебе в зоне отбывать срок?

— Все познается в сравнении. Я — осужденный, а наши охранники — свободные люди. Давай о них поговорим... Чем они лучше зэков? В чем они свободнее? Ладно, я — встаю с подъемом, ложусь по отбою, я так делаю по приговору суда. А он, охранник, после смены идет домой, ну, пообщался с семьей, а что дальше... дальше — ночь, утром — опять зона, он тоже живет по расписанию. Я это к тому говорю, что сотрудник колонии такой же несвободный человек, как зэк. Если повезет, я когда-нибудь выйду отсюда, а он — никогда...

— Ты не перегибай, Павел, — досадливо оборвал нарядчик. — Одно дело — сидеть в зоне, другое — работать в ней. Тебе за то, что сидишь, платят? Нет. А ему платят... Вопрос же в том, что зарплата не такая большая и не всегда регулярная. Вывод? Сотрудник зоны может быть неудовлетворен своим социальным положением. А это значит, что от своей должности он тоже может искать выгоду, о чем я уже говорил. Он идет к осужденному и просит, например, отремонтировать ему обувь. Понятно, что в зоне есть обувной цех, зэку нетрудно выполнить — он соглашается, ремонтирует. Офицеры тащат обувь из дома, не сознавая, что они уже попадают в зависимость от осужденных, не напрямую, а косвенно. Выступают в роли просителей. Зэку это льстит, он понимает, что может воспользоваться этим, тоже о чем-нибудь попросить. А тому неудобно отказать, это уже неуставные отношения. Тьфу, ты, прости господи, за державу обидно! Когда сотрудник колонии идет за зэком и несет его баулы. И такое бывает! Но вот о чем я подумал: при хорошей и регулярной зарплате разве пошел бы сотрудник в зависимость к зэку?

На пороге показался дневальный.

— Ну что, поговорили? Кого-нибудь еще пригласить? — немного замешкавшись, он предложил очередного кандидата на собеседование. — У нас тут сидит бывший преподаватель из Ленинграда. Одно время работал в Америке. Потом вернулся в Россию и устроился в милицию. Интересный человек, дает осужденным частные уроки английского языка... Могу позвать?

— Если тот согласится, — подсказал нарядчик. — Погоди, впрочем... Сколько лет ты в колонии?

— Два года, третий идет...

— А сколько в органах проработал?

— Год в уголовном розыске.

— До милиции чем занимался?

— Был водителем.

— За что вас осудили? — спросил я.

— После работы зашел в бар, выпил пива, ко мне подсади двое...

— Ваши приятели?

— Нет, совершенно незнакомые люди. Выпили. Один предложил поехать на его дачу, продолжить «банкет». Вызвали такси, сели, сразу заплатили. Выехали за город, хозяин дачи сказал: «Останови здесь». И в тот же момент прозвучал выстрел. Водитель повалился набок. Убийца вытащил его из салона и предложил добить, стреляя по очереди. Передал «пушку» подельнику, и он тоже выстрелил в таксиста. А потом пистолет дали мне: «Стреляй». Ну что я мог сделать? Либо стрелять, либо лечь рядом с водителем. Я выстрелил.

— Какой вам срок дали?

— Шестнадцать лет. Хотя на суде я заявил, что у меня не было причины убивать этого человека. Но мне сказали, что я избрал выгодную позицию, чтобы уменьшить вину. Однако я признал, что стрелял. Так в чем же я хотел уменьшить вину?

— Ладно, зови своего «американца», — включился в разговор Мурашов.

Через несколько минут в помещение зашел тщедушной внешности, совсем невысокий молодой человек и сразу ввел меня в курс дела.

— Деятнадцать лет сроку. За убийство. Убил чиновника мэрии Санкт-Петербурга, я его... затоптал!

— В каком смысле?

— Мы изрядно выпили, я работал в мэрии переводчиком. Он просто валялся, пьяный, на полу, я его запинал до смерти.

— Зачем?

— А у меня негативное отношение ко всем этим сексуальным меньшинствам, их надо вешать на первом суку. Он был одним из них.

— Почему же вы с ним пили? Если так ненавидели.

— Это уже другой вопрос. Там пить больше не с кем.

— Где, в мэрии?

— И в мэрии тоже. Я работал одновременно в мэрии и университете, преподавал американскую литературу, так половина студентов у меня были педерастами, детки богатых родителей... Они даже ездят на каникулы в Швецию и регистрируют там свои однополые браки.

— Неужели в Санкт-Петербурге так много «голубых»?

— Очень много, считайте, полгорода.

— И что, всех нужно убивать?

— Я же говорю — был пьян. На суде у меня был адвокат из Международной амнистии. Мои друзья из Америки...

— Из Америки?

— Да, я четыре месяца преподавал в Бостоне шекспироведение.

— И что дальше?

— Я вот и говорю, что мои друзья из Америки приехали на суд, пытались защищать меня. Оказалось, бесполезно. Девятнадцать лет за убийство педика! Впрочем, меня не волнует, что посадили. Срок большой — вот что волнует. Я был не готов к такому сроку. Вот если бы раньше меня посадили, я бы не удивился.

— Почему?

— Потому что раньше я работал в милиции, был оперуполномоченным. И тогда, в милиции, я был готов сесть в тюрьму в любое время. У меня было три убийства при задержании, каждый раз заводили дело... На мне было уже три трупа, и я готов был сесть. А в этот раз — нет. Случайно все вышло. Неожиданно для меня самого, стечение обстоятельств... Впрочем, я не считаю, что сделал что-то сильно плохое. Жалко другого — времени, которое теперь идет впустую. А я хочу работать, преподавать, мне интересно живое общение, я даже написал заявление в школу при колонии, что могу вести уроки английского языка. Оказывается, нельзя. Из РОНО пришла бумага: осужденный не имеет права на преподавательскую деятельность. Странно... в законе на этот счет оговорок нет. Тем более что в суде меня не лишили права на преподавание в будущем. Обращаются осужденные, консультирую их, даю задания. У меня уже тут частным образом образовалась группа по изучению английского. А вообще, знаете, что в зоне главное? Быть самим собой. Займешь свою нишу, и тебя никто не тронет. Когда я сидел в СИЗО, ожидал от зоны чего-то ужасного. Оказывается, жить можно.

Странная история Мурашова

Оставляя убийц в отряде, выходим с Мурашовым на плац — небольшой двор перед дежурной частью. Глядя под ноги, нарядчик возвращается к прежней теме:

— Я вам недосказал, за что меня посадили.

— Вы уже говорили — за взятку.

— Да не-ет, это совсем другая история.

Растягивая в задумчивости слова, бывший помпрокурора проводит ладонью по лбу, как бы проверяя температуру.

— Только в зоне я узнал, за что попал в колонию. Из-за одного коммерсанта, которого сотрудники ФСБ припутали на связях с чеченскими боевиками. Коммерсант отказался сотрудничать с ФСБ, и тогда с него потребовали откупные, которые он отказался заплатить.

— Ну а вы тут при чем?

— У меня были вторая жена и приемная дочь, которой в 1997 году исполнилось двадцать лет. Этот коммерсант был ее женихом. Ему сказали: не заплатишь деньги — посадим в тюрьму отца твоей невесты. Он не заплатил, меня посадили, а потом он пришел к моей жене и покаялся. Оказалась темная история. Сам он чеченец. В Чечне у него остались жена и двое детей. Он уехал в Сибирь, завел свое дело. Познакомился с моей дочерью. Моей жене он, кстати, сказал, что хотел собрать откупные для ФСБ и даже обратился к чеченской диаспоре в Забайкалье с просьбой собрать такую-то сумму денег.

— И что же диаспора?

— Отказали. Ему ответили: «Кто тебе эта девушка? Жена? Нет! Невеста? Тоже нет». Когда моя жена рассказала все это дочери, с той случилась истерика. Потом жена приезжала ко мне на свидание и тоже все пересказала. Я, конечно, сразу не поверил, только вот. Ну действительно, при чем тут Чечня, какие-то бешеные деньги, фээсбэшники — и все это каким-то образом крутилось вокруг меня. Потом я стал сопоставлять факты. Арестовали меня фээсбэшники. Дело вел следователь ФСБ. На одном из допросов он даже назвал срок, на который меня посадят, и этот срок впоследствии совпал с решением суда. А потом произошло нечто такое... такое, что заставило меня поверить во всю эту темную историю.

Понизив голос, он продолжил:

— Я вам расскажу совсем о другом случае, на первый взгляд мало относящемся к моему делу. Я уже сидел в этой колонии больше года, как однажды сюда пришел новый этап.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru